

Грант Матевосян

Зелёная долина

Молния с сухим треском ударилась о скалу, была отброшена в сторону и ушла в зелёную землю. Скала была крепкая, молнии вряд ли удалось оторвать от неё два-три осколочка. Зелёная земля под скалой была могилой всех молний, посягающих на эту долину, — все весенние и летние молнии оставались навсегда погребёнными под этой скалой, и большой раскидистый дуб при каждом взрыве молнии на своём дубьем языке мысленно благодарил скалу, за то, что она, скала, испокон веку принимает на себя все молнии и отшвыривает их в долину, спасая дуб от верной гибели.

Когда молния металась ещё по небу и раздумывала, сейчас ей взорваться или чуть позже, мать жеребёнка мягким ржанием подозвала его к себе: мать знала, что молния сейчас взорвётся и что взрыв этот напугает её жеребёнка, но жеребёнок подумал, что мать хочет дать ему молока, он прислушался, чтобы понять, хочет он молока или нет, и понял, что не очень ещё хочет, что сейчас ему больше хочется нюхать цветы и травы и узнавать их, — и вот тут-то и взорвалась молния. Жеребёночек вскинулся и побежал к матери, но он так испугался, что не видел мать и потому бежал совсем в другую сторону. Мать пошла было сама к своему жеребёнку, но верёвка на шее держала её, не пускала. И мать позвала к себе жеребёнка — мягким ржанием.

Жеребёнку было всего месяц от роду, в одномесячной короткой его жизни это была первая молния. Он спрятался под брюхо матери и оттуда, наострив уши, послушал немножко, как барабанит дождь по листьям дуба. Потом он выглянул, увидел скалу, куст шиповника, дуб — он похлопал глазами и забыл, что испугался молнии, ему показалось, что он пришёл к матери, потому что ему захотелось молока. Помахивая чёрным кончиком хвоста, жеребёнок снова забрался под брюхо матери. Старая лошадь отставила ногу, и вся расслабилась, чтобы её жеребёнку легче было сосать.

Жеребёнок этот был удивительно хорош — весь в звёздочках, как будто на него опустился иней. Ножки у жеребёнка были тонкие, высокие. Правая задняя нога наполовину белая, как будто в белом чулочке. Как будто сам в инее, а задняя правая ножка — в снегу. Шея узкая и длинная. Голова маленькая, на лбу круглое белое пятнышко, тоже как звёздочка. В эту долину испить воды приходили лани и козлята, овцы с ягнятами и ещё вот эта лошадь, у которой было много жеребят на её веку, но такого красивого ещё никогда не было. Этот жеребёнок был самым прекрасным существом зелёной долины. Грива и хвост его были чёрные. Мы не знали, какие у него глаза, потому что он шарахался, и мы не могли приблизиться к нему настолько, чтобы разглядеть, какие у него глаза. Но наверняка глаза у него были очень красивые, потому что у всех лошадей красивые глаза: в них обычно отражается вся окружающая их местность. В глазах этого жеребёнка отражались дуб, цветы, куст шиповника, его красная мать и вся зелёная долина.

Он был немножко глупенький, этот жеребёнок, но был глупенький потому, что был очень маленький. Капля дождя скатилась по его ноге, и он шарахнулся, взбрыкнул и убежал от матери. Мать не стала звать его обратно: дождь кончился, молнии сегодня больше не должно было быть, и солнце на небе уже сияло вовсю.

Зелёная долина так и сверкала, вся залитая солнцем. Омытые дождём, сверкали листья на дубе. И куст шиповника тоже блестел. И мокрая спина лошади тоже. И спина жеребёнка. И ручей, который начинался от серой скалы и проходил по всей зелёной долине. Но от ручья пахло молнией, и жеребёнок отпрянул от него. От куста шиповника тоже пахло молнией — жеребёнок отбежал немного, остановился, поглядел издали и снова шагком за шагом стал приближаться — чтобы ещё раз понюхать.

Старая лошадь знала все ароматы и запахи этой долины. Она знала запахи и ароматы всех здешних долин и холмов, но запахи этой долины знала лучше, потому что лошадь часто привязывали тут. Запах молнии должен был сейчас исчезнуть, солнце должно было осушить его вместе с росой. Запах тимьяна тоже не был постоянным запахом этой долины, запах тимьяна был занесён сюда с холмов ветром, вместе с запахом мокрой овечьей шерсти. Лошадь паслась и

думала, что на той стороне холмов пасутся овцы, раз ветер доносит с той стороны запах мокрой овечьей шерсти, значит, и собаки там, и пастух.

На той стороне холмов пасутся овцы, влажная трава в долине вкусная, вода в ручье сладкая, думала старая лошадь, греет солнце, и жеребёночек пугается и растёт среди доброго и тёплого покоя этой хорошей долины.

Лошадь подняла голову: дуб стоял спокойно, разомлев от тепла, дремала серая скала, жеребёнок принюхивался к шиповнику. Грекло солнце, и трава после дождя была вкусная, надо было пастись. Лошадь опустила голову, сорвала два-три пучка травы, но что-то беспокоило её, и она снова подняла голову.

Стоя неподвижно посреди зелёной долины, вздёрнув голову, старая лошадь долго прислушивалась к тишине. И долго вглядывалась в долину. Всё вокруг было так, как минуту назад: спокойно стоял дуб, тихо дремала скала, а жеребёночек прыгал и носился вокруг куста шиповника. И вроде бы можно было спокойно пастись, но красная лошадь даже не донесла морду до земли, она резко вскинула голову и подождала, наострив уши, — чтобы уловить все тайные голоса долины. Потом раздула ноздри и опять подождала — чтобы почувствовать все чужие запахи долины. Плавно порхали бабочки, пели пчёлы, звенел ручеек, и, вытянув шею, гонялся за бабочкой вокруг куста шиповника жеребёнок, но старая красная лошадь хотела слышать не эти голоса и хотела видеть не эти картины. В долине таилась какая-то опасность. В воздухе от этой опасности не было ни звука. Опасности этой не было видно, и ветер не доносил её запаха, но старая лошадь не могла уже спокойно пастись.

Старая красная лошадь начала сердиться. Красная лошадь сердилась, потому что в долине был враг, но этого врага не было видно, не было слышно и точное место его было невозможно определить.

Стоя посреди зелёной долины, смотрели во все глаза и внимали тишине — серая скала, могучий раскидистый дуб, красная старая лошадь и куст шиповника. Для скалы в зелёной долине не было никакой опасности, потому что молния сегодня уже была и прошла. Для дуба тоже всё было хорошо, потому что скала снова защитила его от молнии, да и солнышко грекло ласково. И для шиповника

всё было хорошо, потому что жеребёночек не мог дотянуться до двух его ослепительно белых цветков. А старая красная лошадь от напряжённого ожидания вся взмокла.

Долина изменила лошади: в долине таился враг, но долина не выдавала этого врага, не выдавала ни голоса его, ни запаха. Красная старая лошадь не решилась пойти к жеребёнку — боялась заглушить своими шагами тайную поступь врага. Красная старая лошадь не решалась дышать: боялась не услышать сквозь шум лёгких дыхание врага. Красная старая лошадь не мигала глазами: боялась, что за то время, пока она моргнёт, враг прыгнет с места на место — и она не успеет это заметить.

Вот так стояли неподвижно в долине скала, дуб, куст шиповника, лошадь. Скала дремала. Жёлуди на дубе, защищённые крепкой бронёй, наливались соком, и дуб радовался, что всё так хорошо. Шиповник подставил свои чашечки цветов солнцу и впитывал в себя его тепло, а красная старая лошадь дрожала от негодования. Никогда ещё, ни разу долина так не предавала её. Может быть, запах молнии мешал лошади почувствовать тот, другой запах, запах врага, который был близко, совсем близко, — лошадь приняховивалась, но запах врага прятался в запахе кислорода, оставшегося после молнии.

Жеребёнок внимательно смотрел на что-то, потом оглядывался на мать. Потом снова смотрел на это что-то и снова оглядывался. Но мать не видела того, на что смотрел её жеребёнок. С того места, где стояла мать, этого не было видно. Жеребёнок смотрел на это что-то, потом поворачивал голову к матери — мать стояла неподвижно, вытянув голову, и глаза у матери горели.

Жеребёнок ещё раз оглянулся на мать и шагнул к тому, на что смотрел с таким любопытством. И в эту минуту мать почувствовала нестерпимый, омерзительный запах волка. Мать заржала и кинулась к жеребёнку и увидела, каким плавным и длинным прыжком оторвался от земли и прыгнул к её малышу волк.

На той стороне холмов собаки-волкодавы, охраняющие овец, услышали короткое раздражённое ржание лошади. Собаки было всполошились, но скоро

всё снова стало тихо, и они успокоились.

Красная лошадь метнулась к жеребёнку, она кинулась к нему со всего размаху и упала. Это была старая лошадь, и за всю её долгую жизнь ей приходилось не раз падать, но на этот раз это было очень неожиданно. Она упала и тут же вскочила. А упала потому, что была на привязи и потому что кинулась к жеребёнку со всего размаху. И сейчас верёвка душила её, верёвка не пускала её к жеребёночку.

Жеребёнок хотел к матери, он хотел, сделав большой круг, прибежать к матери, но волк каждый раз перерезал ему дорогу, и жеребёнок убегал от матери всё дальше и дальше. А верёвка душила мать. Наконец жеребёнок придумал, как быть, — надо бы перепрыгнуть через волка. Он так и сделал, но волк снизу ухватил жеребёнка за ногу, и жеребёнок упал. Жеребёнок испуганно закричал и вскочил.

На той стороне холмов послышалось острое ржание жеребёнка, и собаки-волкодавы насторожились, и особенно насторожился среди них пёс Топуш.

Жеребёнок крикнул и вскочил, и в то же мгновение его мать присела на задние ноги и всею тяжестью, со всею силою метнула себя к волку и жеребёнку, и верёвка, державшая её, оборвалась и хлестнула её по ногам. И мать помчалась со всею силою, со всею яростью и со всею любовью. Это была очень быстрая в движениях кобыла, но никогда в жизни не летела ещё она так быстро.

На той стороне холмов послышался глухой стук её подков по земле. Потом на той стороне холмов все голоса долины снова стихли, и собаки, и маленький пастух снова успокоились.

Волк оставил жеребёнка и увернулся, выскользнув из-под копыт старой лошади. Лошадь нападала на него, волк немного отбежал. Лошадь наступала на него, и волк ещё немного отодвинулся. Почти касаясь земли мордой, лошадь шла на него медленно, угрожающе, и волк весь распластался по земле и готовился прыгнуть и вцепиться лошади в ноздри. И тогда лошадь повернулась к нему задом.

Лошадь повернулась к нему задом, и волк не прыгнул, но сделал круг и

очутился перед мордой лошади. Взяв жеребёнка к себе под брюхо, лошадь снова повернулась к волку задом, и волк снова обежал её и стал перед мордой. Но лошадь успела повернуться, изловчилась и лягнула волка. Одним длинным прыжком волк снова очутился под мордой у лошади, и лошадь не успела на этот раз быстро увернуться: волк вцепился ей в ноздри, но лошадь сумела всё же отшвырнуть его передними ногами. Но волк не убежал, волк сел и поглядел на лошадь. И лошадь тоже — поглядела на волка. И волк понял, что лошадь своего жеребёнка будет защищать до последнего, а лошадь поняла, что волк не уйдёт так просто. Лошадь была вся в мыле, но волк тоже порядком устал. Волк метнулся неожиданно, сразу, и после этого он всё время прыгал, пытаясь ухватить лошадь за ноздри, а лошадь всё время поворачивалась к нему задом, не выпуская жеребёнка из-под брюха. Уже совсем стемнело, их движения сделались медленными; волк кружил вокруг лошади почти что ползком, еле волоча ноги, и лошадь тоже кружилась медленно, тяжело, иногда спотыкалась, с трудом удерживаясь, чтоб не упасть. От усталости оба они почти оглохли.

Маленький пастух поднялся на вершину холма и смотрел на солнечный закат. Закат был красный, в его свете красиво темнел единственный дуб в долине... Но то, что увидел маленький пастух, было так безобразно, что маленький пастух задохнулся от гнева: там, внизу, в долине волк вцепился в морду их старой красной лошади, и красная старая лошадь не могла растоптать волка, красная лошадь вот-вот должна была повалиться на землю.

— Эй, кто там есть, эй, — послышалось с холмов, которые огибали долину с другой стороны, — волк душил лошадь, сейчас задушит, эй, где собаки, пустите на них собак, эй...

Маленький пастух открыл было рот, чтобы закричать, но не смог, у него вдруг пропал голос. Маленький пастух только махал руками и не мог выговорить ни слова. Собаки насторожились и посмотрели вниз, на долину. И собаки увидели всё и полетели... Топуш, Боб, Сево, Богар, Чалак, Чамбар... Чёрномордый Топуш был самый опытный среди них, молча нападал на волка, молча душил его. Он и сейчас молча бежал впереди всех. А Богар был самым

молодым в своре, он немного побаивался волков и поэтому ещё издали начинал лаять, чтобы волки убежали, и чтобы драки не было. Вот и сейчас Богар бежал и лаял, он то и дело обгонял Топуша, но не смел оторваться от всех и бежать впереди. И он останавливался и поджидал Топуша, некоторое время бежал рядом с ним, снова обгонял его и снова поджидал.

Когда лошадь вот-вот уже должна была упасть, волк словно во сне услышал собачий лай. Волк не захотел поверить, что собаки лают на него, — не могла же судьба быть так зла, чтобы целый день тяжкого труда пропал даром. Неужели он должен был вернуться к своим щенкам голодный и без добычи?

Когда все силы иссякли в ней, и боль в ноздрях притупилась, а в глазах уже было черным-черно, и уши словно ватой заложило, мать-лошадь услышала вдали собачий лай и поверила, что собаки лают из-за её жеребёночка, — не могла же судьба быть так зла, чтобы вот так вот дать умереть её жеребёночку. Старая лошадь знала, что лай кажется далёким оттого, что она устала и плохо слышит. Старая лошадь знала, что надо ещё немножко продержаться, пока собаки добегут до неё. Но как трудно стало дышать, какой тяжкой ношей сделалась эта жизнь.

Собачий лай взорвался над самым ухом волка, а волк всё ещё не верил, что после такой трудно доставшейся удачи последует такая неудача. Дома щенки голодные, что же теперь делать, в шее сильно закололо, заболело ухо, и волк отпустил лошадь. Лапа его была намертво прижата к земле. Чтобы высвободить лапу, нужны были силы, но где их было взять, господи, волку хотелось спать, спать. Волку хотелось умереть, отдохнуть наконец от всего. Волк приник к земле: главное — защитить горло, чтобы собаки не могли вцепиться в горло. И собаки вцепились ему в спину, стали трепать его за шею, за уши, а волк защищал только горло и набирался сил и отдыхал под грудой собак.

Он укусил чью-то лапу, и одна из собак с воем отскочила. Он поднялся, и собаки, окружив его, подождали, что он будет делать. Волк оглянулся — собак было очень много, и было трудно, было невозможно трудно вырваться от них и добраться до дома, и собаки поглядели на волка, с минуту они глядели так друг на друга, и волк не знал ещё, что будет делать, и собаки тоже не знали, что будут

делать. И одна из собак, вся покрывшись мурашками, прыгнула на волка. Волк ещё удержался на ногах и понял, что самая опасная из собак — эта черномордая.

— Эй, парень, эй... Кто там есть... беги, помоги собакам, беги, помоги им задушить волка, эй... — позвали с противоположного холма.

Лошадь еле держалась на ногах. Голова у лошади отяжелела и клонилась книзу. Лошадь чувствовала, что жеребёночек сосёт её, и не могла даже радоваться этому. Голова у лошади упала, передние ноги подогнулись, а жеребёнок ещё сосал мать. Лошадь рухнула на землю. Жеребёнок стоял рядом и ждал, когда мать поднимется, но мать не поднималась. Жеребёнок ткнулся мордочкой матери в брюхо, но мать не встала и даже не пошевелинулась. Жеребёнок сел на землю рядом с матерью — задние ноги его больно подломились — и стал сосать. И мать ещё давала молоко своему уже осиротевшему жеребёнку, самому красивому из всех её жеребят, маленькому жеребёнку, который был весь покрыт звёздочками, у которого хвост и грива были чёрные, кудрявые, одна ножка вся белая и на лбу звёздочка и который был немножко глупенький, но он был глупенький потому, что был маленький.

А волк — волк сумел всё же убежать. Если бы он не смог убежать, его щенки осиротели бы и остались бы совершенно беспомощными, непременно погибли бы. И волк сумел убежать. Это не было бегством. Это было долгое хитрое отступление, шаг за шагом, прыжок за прыжком. Когда собаки настигали его и вот-вот должны были изорвать в клочки, волк оборачивался, обнажал клыки, шерсть на нём вставала дыбом, и это останавливало собак, а волк в это время удалялся ещё на два-три прыжка.

Чёрномордый волкодав так и не смог схватить волка за горло, и волк не смог укусить его в ответ и испугать его — чёрномордый волкодав не преследовал больше волка, потому что заглотнул клочок волчьей шерсти и, отстав от всех, кашлял, давился и с отвращением прочищал себе горло. Чёрномордый волкодав не преследовал волка, а все остальные собаки были не особенно опасны, потому что, как чёрномордый волкодав, не были мастерами своего дела.

Собаки упустили волка, потом потеряли его след, но долгое время ещё

крутились и носились с лаем по зелёной долине, где совсем уже почернела скала, где спокойно стоял дуб, где подставил росе свои две чашечки цветов куст шиповника и где лежало на земле тело красной старой лошади.

Жеребёнок стоял возле матери, и немножечко уже беспокоился, и как будто уже понимал, что случилось.

Лучи заходящего солнца в последний раз ярко осветили зелёную долину, и был чёрным, очень чёрным круг земли возле старой красной лошади. Тело красной лошади лежало на этом чёрном кругу. Этот чёрный круг был местом поединка лошади и волка, чёрный этот круг вытоптала лошадь. Глядя на этот вытоптаный чёрный кусок земли, можно было понять, как долго кружилась тут старая лошадь и заставляла кружиться за собой волка.

Этот чёрный круг так и оставался чёрным целых три года. Около трёх лет здесь ничего не росло, и белый скелет нашей старой хорошей лошади одиноко валялся на этом чёрном кругу. Потом зелень одолела — сначала по бокам скелета проклюнулось несколько травинок и пробились цветы, потом разом поднялась, взошла пышная трава, и зелёная долина теперь снова полностью зелёная.

Когда смотришь на неё с вершины холма — зелёная долина полностью зелёная, и царственно стоит дуб рядом со скалой, а скала прислушивается сквозь дрему к круговороту облаков, а куст шиповника чуть подальше нежится, подставив солнцу пять цветочных своих чашечек, и пасётся на зелёной долине лошадь, вся в звёздочках, задняя правая нога ниже голени белая, ноги длинные, шея длинная, грива и хвост тёмные, на лбу звёздочка. Когда она делает шаг, её правая задняя нога немного вытягивается и дрожит, потому что там есть старый шрам.

Лошадь поднимает красивую голову со звёздочкой на лбу, и в её глазах отражается скала, дуб, зацвётший шиповник, зелёная долина и белые облака на синем небе.

— Всё?

— Всё.

— Нет.

— Почему «нет»?

— Пусть мать-лошадь не умирает.

— Как же я могу тебе сказать, что мать-лошадь не умерла? Мать-лошадь была уже мёртвая, а жеребёнок грустно стоял рядом с матерью. Когда тот пастух, который кричал «эй, парень, эй», когда этот пастух спустился с противоположного холма, мать-лошадь уже была холодная, и старый пастух, и маленький пастушок посидели немного рядом с телом красной лошади и подумали, как им теперь вырастить жеребёнка без матери.

— И как, вырастили?

— Вырастили. Молоком от другой лошади.

— Нет, мать пусть не умирает.

— Как же мне говорить, что мать не умерла, ведь всё то лето я кормил осиротевшего жеребёнка молоком от других лошадей.

— Сказать, как было?

— Скажи.

— Пастушок поднялся на вершину холма и вовремя заметил волка.

— Пастушок поднялся на вершину холма поздно, когда нельзя было уже помочь.

— А почему она умерла? Лошадь.

— Когда старый пастух и маленький пастушонок сидели рядом с телом мёртвой красной лошади, старый пастух сказал маленькому пастушку, что сердце у лошади разорвалось от страха за своего жеребёнка и ещё — от ярости и отвращения.

— Отвращения к волку?

— Да, к волку.

— Я хочу, чтобы собаки задушили волка.

— Нет, я не могу тебе сказать, что собаки задушили волка, потому что наш чёрномордый волкодав Топуш проглотил волчью шерсть и сам чуть-чуть не сдох.

— Маленький пастушок был ты?

— Я, и лошадь была наша, а жеребёнок был жеребёнком нашей лошади. А теперь жеребёнок вырос и привязан на зелёной долине.

— А свою мать он помнит?

— Может быть, и помнит, потому что у лошадей есть память.

— Ну, тогда расскажи всё сначала.

— Молния с сухим треском ударилась о скалу, была отброшена в сторону и ушла в зелёную землю. Серая скала была крепкая, молнии едва удалось оторвать от неё две-три крупницы камня. Соседний дуб, правда, немножечко испугался, потому что молнии обычно попадают в дуб и сжигают его. Немножко испугался дуб и очень испугался длинноногий, весь в звёздочках маленький жеребёнок... так испугался, что побежал к матери, но от страха он ничего не видел и потому бежал не к матери, а вовсе в противоположную сторону, и старая красная лошадь мягким ржанием позвала его к себе...